

УДК 101

О «ГИБРИДНОЙ МЕТОДОЛОГИИ»

Курбатова Людмила Викторовна

канд. филос. наук
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь

author@apriori-journal.ru

Аннотация. «Гибридная методология» содержит в себе несколько фрагментов. Во-первых, некую философию, в которой неочевидно присутствуют различные допущения о существовании «всеобщего», например, о «всеобщей человеческой истории» и ее законах; во-вторых, присутствуют некие упования на важность «науки», открывшуюся в 19-20 веках, и которые привели к крушению надежд в пределах второй мировой войны и последующих перемен в осмыслении роли науки в общественном «развитии»; в-третьих, часть, не являющаяся следствием научных или философских упражнений, в рамках которой имеются опыты постижения перипетий личной судьбы, выраженные в литературных и иных связанных с искусством опытах, например, в формате «актуального искусства».

Ключевые слова: методология; кризис рациональности; персональность; идентичность; идентификация; демаркация; человеческие качества; антропные действия; антропные сущности.

ABOUT «THE HYBRID METHODOLOGY»

Kurbatova Ludmila Victorovna

candidate of philosophy
Perm National Research Polytechnic University, Perm

Abstract. «The hybrid methodology» comprises some fragments. First, a certain philosophy at which not obviously there are various assumptions about existence of «general», for example, about «general human history» and its laws; secondly, there are certain hopes on the importance of «science» which opened at 19-20 centuries and which led to collapse of hopes within World War II and the subsequent changes in judgment of a role of science in public «development»; thirdly, part, not being a consequence of scientific or philosophical exercises within which there are experiences of comprehension of personal destiny, expressed in the literary and connected with art other experiences, for example, in a format of «actual art».

Key words: methodology; rationality crisis; identity; identification; demarcation; human qualities; anthropic actions; anthropic essence.

Мало ли тех, у кого сложилась привычка равнодушно воспринимать слова о «методологии»? Методология – это одна из великих идей 19 и даже 20 века! Что же это такое ТАМ? Повторимся, привычно? «Учение о методе», комплекс представлений о структуре научного знания, его развитии, методах верификации и (или) фальсификации, о социологии науки... и множестве прочих, вполне значимых и полезных, для человека мыслящего ... обстоятельств.

«Методология» – если не пытаться утомиться деталями – такой укомплектованный разными средствами арсенал, который позволяет

субъекту (субъективности) развернуться и освоить реальный мир наилучшим образом. Перипетии освоения субъективности, как представляется, полно осмыслены в книге коллеги [1].

Личный опыт автора этого текста показывает, что рациональность тех, кто приходит «учиться» в высшее учебное заведение выстроена причудливым образом. Предметное обучение в социальных институтах, предшествовавших ситуации «получения высшего образования», организованное сообразно наивному представлению «советских материалов» к миру демонстрирует странные ментальные структуры. Временами кажется, что они «сшиты» наживую... Из лоскутков. Коллега однажды точно заметил, что «для методолога, не чуждого социологической рефлексии, достаточно очевидно, что знание, мышление и другие феноменологически выраженные организационности мыследеятельности структурированы исторически и социокультурно. Способом этого структурирования можно считать функционально связанные единства институтов, традиций и практик, образующие своего рода функциональные узлы, каждому из которых соответствует и особая смыслопостигаемая тематическая реальность со своими аксиоматическими и модальными характеристиками, и особые критерии рациональности» [2].

При всем уважении к исследователям человеческой рациональности, занимавшихся этой темой во второй половине 20-го века, нельзя не заметить, что европейская послевоенная ситуация сменила акценты. Понятно, что с «опытом рационального антигуманизма», образовавшемся в европейской истории в связи с развитием фашизма и национал-социализма, с опытом советского антигуманизма – не удалось справиться быстро. Однако, допустимо заметить, что «крушение коммунизма», прекращение существования СССР («величайшая катастрофа 20 века» – как это событие некоторые предпочитают называть) повлекло за собой «завершение размышления о гуманитарных проблемах европейской цивилизации» как раз к окончанию века. Марксизм, который длительное

время претендовал на функцию «всеобщего учения о природе, обществе и человеке» оказался ... подлежащим реформированию. Стройная картина противостояния «научного материализма» и «ненаучного идеализма», при котором (противостоянии) героические советские философы могли находить внутри «идеализма» различные течения «буржуазной мысли» прекратила существование, умерла, закончилась. И если некоторые коллеги могли глубокомысленно заявлять, что «методология существует для изучения методов решения проблем, возникающих в разных областях человеческой деятельности, и их переноса для решения проблем в других областях» [3, с. 46], то нынешняя ситуация внутри российской философии понуждает поставить вопрос о границах «философского метода» и его адекватности реальности.

На смену советской картине «философского мира» что-то пришло? Конечно, стоило бы внимательно приглядеться к картине «философской разрухи» и найти какие-то связи с разрушенной реальностью. Что осталось на развалинах советской философии? Кто и как ЭТО утилизировал? Что выросло на руинах? В чем новизна пост-советской российской философии? Появилась ли доктрина другая «всеобщего счастья»? Чем сменилось «светлое будущее», в котором были уверены все, по настоящему советские граждане? «Светлое будущее» по большому счету: сохранилось ли? Или есть – вместо него всеобщее национальное уныние? Разброд, склоки, усталость и шатания?... верно ли это и так предполагать. Что «методология социального оптимизма» после своей смерти меняется просто на другой социальный оптимизм? Или, в дело вступает «подлая диалектика» и люди начинают думать внутри парадигмы «социального пессимизма»? Их несколько, методологий оптимизма?... Как происходят перемены?

Представляется, что сегодняшняя социальная ситуация приглашает к вопросу о «приоритете». Кризис европейской рациональности, связанный с двумя «научными конструкциями» – «национал-социализмом» и

«советизмом» – показал, что в случае предпочтения такой «научной конструкции» устройства общества и его истории, при которой приоритет отдается «обществу», отдельный человек становится жертвой социальных репрессий и насилия. В ином случае, в области гуманитарного знания – не очень понятно, как учесть права сторон диалога на построение общего пространства жизни? Концепция «прав человека» в итоге приводит к появлению класса «европейских бюрократов» и довольно специфическим проблемам «культурных коммуникаций». Коммуникаций, в которых представители «отставших государств» начинают претендовать на чужие «блага цивилизации» под различными, в том числе, выдуманными предлогами. Порождая вопросы о совмещении логики персональности с методологией социальности. Что происходит с методологией во времена переосмысления проблем разрушения «старой социальности»? Хотя, как показывает текущая ситуация – могут реализовываться (на какой срок?) попытки возвращения к утраченной социальной модели, конструкции, теориям...

Нам представляется, что это извилистая дорога к появлению и признанию права на существование «гибридной методологии».

Что такое «гибридная методология»? Почему в такой формулировке есть потребность? Как различать типы «методологии»? Какова область применения? Есть ли свой собственный предмет? Горизонты видения? Как их различить? Каким образом маркировать? Какова линия демаркации от других территорий социального непонимания?...

Наверное, «гибридную методологию» следовало бы окрестить как-то иначе... Почему? Потому что в этом типе понимания и практики познания – на первом месте станет находиться сам человек. А познание осуществляется «вглубь», «вовнутрь» него... Относительно выяснения вопроса о правомерности и способами владении антропными сущностями, человеческими качествами, гуманитарными активами (см. подробнее [3, с. 85-89]). Скорее даже, таким образом, что «выяснив, что там

внутри?» человеку придется «вывернуться наизнанку» и предъявить себя тем, кто рискнет вступить с ним во взаимодействие. Почему именно так сегодня выглядит вопрос о человеческом существовании?

Мы склонны предположить, что в индустриальном обществе, в эпоху диктата «универсальных технологий». Которые требовали унификации и повторения, тиражирования предметов для всеобщего потребления, когда любое будущее становилось всегда таковым. Если оно обладало статусом всеобщности – отдельное, единичное, личное – только и могло быть следствием «социального»... общего устройства. Личная судьба – функция общей судьбы. Человеческое существование – последствие народного существования...

Кризис «индустриализма» как идеологии, опыты построения пост-индустриальных обществ, внимание к постиндустриальным эффектам – дают материалы для более внимательного отношения к «персональности». Тем более, что творчество, индивидуальность, непохожесть, креативность, фантазия, «необыкновение» – это все материалы для капитализации организаций, которые претендуют на... опережение.

Человеческий капитал – богат индивидуальностью, а не массовостью. Никому не нужна армия, в которой бы служили 10.000 Леонардо Да-Винчи... Никому не нужен полк Дали... Или эскадрилья Экзюпери. Уважение к индивидуальному существованию: залог ускоренной капитализации, залог освоения капитальных преференций.

Если мы решимся не атаковать ВСЮ методологию, а согласимся ограничиться только небольшим фрагментом, относительно которого допустимо поставить несколько радикальных вопросов, то, как представляется, мы тем самым гарантируем, что пока что не попытаемся опрокинуть ВСЁ привычное «здание методологии». А как только мы сможем добраться до каких-то значимых результатов – то сможем заняться и следующими фрагментами, этажами, подземелиями... Ранее мы уже высказались относительно «человеческого времени», «челове-

ческих качеств» и «модальностей». Сегодня – очередь понять – как выглядит «оболочка», внутри которой будут различимы те активы, относительно которых мы говорим как об активах для капитализации?

Почему важен вопрос об «оболочке»? Потому, что, проникая внутрь – мы должны будем ее преодолевать, переходить через границу, отдавая себе отчет, что «вот теперь» мы станем находиться на чужой «территории», попадем в «чужое существование». Что бы это означало?

Только то, что нам придется овладеть процедурами идентификации в том, кто «напротив нас» – мы, пока только допустим это – сможем обнаружить «его собственное» содержание. И «не его», «чужое» нечто. Привнесенное, приклеенное, вживленное, привитое, инородное. Как бы это сделать? Ведь по отношению к нам-исследователям – и то и другое: будет чужим! И, значит, предстоит в этом чужом разобраться. Разделить «чужое» (как Его Свое) и чужое-чужое (как Не-Его)! Мы, пока что, не станем сосредоточиваться на техниках демаркации. Хотя: это – ВАЖНО! Пока что важно определиться, что там, внутри Другого – «коктейль». Отговорки о «культуре» как источникам чужого опыта и знаний – пока не станем принимать. Поскольку наша задача – не оправдание владения чужими навыками, знаниями, опытами и прочим... тем, что в индустриальном мире свидетельствовало о «богатстве». Мы сегодня не занимаемся исследованием образования как интеллектуального рейдерства. Повторимся: мы находимся на фазе обнаружения границ, где свое отделяется от чужого.

Граница разделяет практики ин-персональности и над-персональности? Техники ин-персонального освещения, развертывания и разворачивания – это то, чем каждый вполне в состоянии овладеть, осваивая богатства своего личного внутреннего мира. Обеспечивая запуск творческих, генеративных процессов и процедур. Соответственно то, что угнетает персональность. То, что приводит к над-персональностью, межличностным коммуникациям, нормам, организо-

ванностям, социальности – то, что приводит к общественному договору – де-генерирует индивидуальность. Угнетает ее. Формирует позывы к забвению и угнетению, деградации в рамках индустриальных форм потребления персональности.

Что получается? «Гибридная методология» содержит в себе несколько фрагментов. Во-первых, некую философию, в которой неочевидно присутствуют различные допущения о существовании «всеобщего», например, о «всеобщей человеческой истории» и ее законах; во-вторых, присутствуют некие упования на важность «науки», открывшуюся в 19-20 веках, и которые привели к крушению надежд в пределах второй мировой войны и последующих перемен в осмыслении роли науки в общественном «развитии»; в-третьих, часть, не являющаяся следствием научных или философских упражнений, в рамках которой имеются опыты постижения перипетий личной судьбы, выраженные в литературных и иных связанных с искусством опытах, например, в формате «актуального искусства».

Стоит ли одной части овладевать, завоевывать, подчинять себе другую часть методологии – это вопрос. Вопрос, который следует из нашей привычки к вертикально организованным ментальным системам. Похоже, и в существовании методологии наступили «сетевые времена».

Список использованных источников

1. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. СПб.: Алетея, 2007. С. 731.
2. Генисаретский О. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2001. 526 с.
3. Комаров С.В., Кордон С.И. Основы методологии: системодетельностный подход. Категории. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2005.
Kurbatova L.V. Destiny: temporal adventure? // Eastern Euro Sci. J. 2014. 4. С. 171.